

Тяжелые каменные створки врат с грохотом распахнулись, подняв в воздух вихрь пыли. Снаружи, за высоко задранными карнизами дворца, бушевала метель, и ледяной ветер со свистом ворвался внутрь.

Дворец Вэй, некогда служивший храмом для жертвоприношений, возвышался на самом верхнем, девятом уровне Девяти Небес. Здесь, в этом краю вечного холода, где снега не таяли круглый год, царил мертвая тишина.

После того как Чу Цзюань погиб, а его душа растворилась в шести мирах, Се Чэньлу, не обращая внимания на любые преграды, поместил его тело в Дворец Вэй. Благодаря пронизывающему холоду этого места бранные останки не истлевали три сотни лет.

Се Чэньлу стоял у входа, облаченный в белые одежды. Словно изваянный из нефрита, стройный, как горная сосна, он даже в неподвижности приковывал к себе все взгляды. Казалось, он стал еще худощавее. Его рука с отчетливо проступающими костяшками лежала на дверном проеме, и на камне виднелись глубокие трещины.

Он собственными руками сдавил Ворота из Нефрита Суй так, что они дали трещину.

А человек, полусидящий в Ледяном гробу, приподнял веки и посмотрел на него. Взгляд был глубоким и тяжелым. На нем была лишь тонкая, роскошная ночная рубашка, а длинные черные волосы небрежно разметались по плечам и ледяному краю гроба.

В глазах, темных, как обсидиан, как и триста лет назад, отражался только он один.

На мгновение Се Чэньлу подумал, что его снова обманули и он попал в очередную до ужаса реалистичную иллюзию.

Он шагал вперед, медленно переступая через редкие полосы солнечного света, и его привычная маска сдержанности и невозмутимости вмиг разлетелась вдребезги.

Он шел крайне медленно. В сердце kloкотало нетерпение, но он до смерти боялся, что это лишь призрачный сон. Даже если это иллюзия, ему хотелось, чтобы она длилась как можно дольше.

Возможно, во Дворце Вэй и впрямь стало слишком холодно — даже его ладони начали коченеть. Он поднял руку, словно желая коснуться того, кто был перед ним, но, приблизившись, заколебался: а вдруг одно прикосновение разрушит этот драгоценный сон?

Спустя долгое время он опустился на колени у Ледяного гроба и охрипшим голосом спросил:

— Цзидянь, это сон?

Голос звучал надтреснуто и дрожал от осторожности — он боялся спугнуть того, кого так долго искал. Его слегка подрагивающая рука все же потянулась вперед. Он решил: даже если это сон, он должен коснуться Цзыдяня.

Но, вопреки ожиданиям, рука не встретила преграды.

Чу Цзюань уклонился.

Тот, кто никогда не отстранялся, кто даже когда его тело разъедала демоническая отравка, прижимал его к себе, не отпуская ни на миг; тот, кто не отступал, даже когда на него были направлены мечи, — теперь отклонил голову, избегая прикосновения.

Человек в Ледяном гробу слегка нахмурился, глядя на него с отстраненностью и холодным безразличием. В его глазах читалась нерешительность, и лишь спустя долгое время он хрипло спросил:

— Кто ты?

Рука Се Чэньлу застыла в воздухе.

Он подумал, что Дворец Вэй — действительно ледяное место. Казалось, его пронзил порыв ветра, от которого само сердце промерзло до глубины души.

За пределами Дворца Вэй лекари, кутаясь в рукава, перешептывались, поражаясь тому, что Чу Цзюань смог очнуться.

Рог дракона для Клана Драконов — источник жизненной силы, с которым они рождаются. Из всех сокровищ драконьего рода рог был самым ценным, по сути, это была сама жизнь. После того как Чу Цзюань лишился рога, его душа должна была рассеяться, и его пробуждение было чудом.

В мире полно тайн, и никто не знал, какими жестокими методами Нэйцзюнь вернул его к жизни. В конце концов, то, как Нэйцзюнь сходил с ума последние триста лет, видели все.

Только вот...

Хорошо осведомленный слуга-дух тайком шепнул знакомой фее:

— В последнее время лучше обходить Нэйцзюня стороной, когда он во Дворце Вэй. Не дай бог попасться...

Фея наострила уши и удивленно переспросила:

— Разве Цзыдянь не очнулся? По идее, Нэйцзюнь должен быть на седьмом небе от счастья.

— Ты знаешь лишь верхушку айсберга, — вздохнул слуга с грустью в голосе. — Цзыдянь не помнит никого. Он просто взял и...

— И что?

— Цзыдянь взял и забыл Нэйцзюня.

Глаза феи округлились. В этот момент она заметила, как мимо проходит светлый силуэт, и поспешно толкнула слугу. Тот вскрикнул от боли и поморщился:

— Ты чего толкаешься?

— Замолчи, он идет...

Во Дворце Вэй круглый год лежал снег. Фея проводила Туаньцзы к главному дворцу. Снежинки оседали на белых одеждах фигуры впереди, подчеркивая его неземной облик, хотя в нем угадывалась некая болезненная хрупкость.

— Отец! — звонкий голосок вырвал Се Чэньлу из оцепенения.

Он обернулся. Мальчик, стоявший позади, чинно поклонился. Представители Клана Драконов растут медленно, а этот малыш из-за недоношенности рос еще дольше. Сейчас он выглядел лет на шесть-семь. Он был одет в опрятный светлый наряд, но, видимо, торопился, и шапочка на его голове съехала набок.

При виде Туаньцзы помрачневшее лицо Се Чэньлу наконец немного прояснилось. Он протянул руку, погладил ребенка по голове и поправил шапку, открыв два маленьких белых рога.

Его папа впал в вечный сон именно из-за потери рога. Малыш был смышленным и боялся, что отец расстроится, вспомнив о папе, поэтому всегда прикрывал рожки шапкой.

Ребенок был кровью и плотью Цзыдяня, его черты лица напоминали отца, особенно глаза — темные и глубокие, они смотрели на мир с тишиной спокойного озера.

Сердце Се Чэньлу болезненно сжалось. Он взял Туаньцзы за руку, и его обычно холодный голос прозвучал мягко:

— Туаньцзы, отец отведет тебя к папе.

Даже если Цзыдянь на время забыл его, что с того? С момента их свадьбы все небожители и демоны в пределах четырех морей и Девяти Небес знали, кто такой Нэйцзюнь для Цзыдяня. Их брак был заключен по всем правилам, в согласии с небом и землей.

Более того, он родил для Цзыдяня наследника, его плоть и кровь.

Поэтому, даже если Цзыдянь забыл всех в этом мире, кроме него, возможно, это лишь досадная случайность.

Ветер и снег били в лицо. Туаньцзы показалось, что отец сегодня ведет себя как-то странно: он сжимал его руку с такой силой, что кости ныли, но мальчик не смел издать ни звука.

Малыш поднял голову, глядя на напряженное лицо отца, чьи ресницы подернулись инеем. Может, отцовское сердце чувствовало то же самое, но в этот момент он почему-то почувствовал, что отцу невыносимо тяжело.

Внутри Дворца Вэй.

Чу Цзюань смотрел в зеркало водной глади на отчетливые фиолетовые следы на своей шее и погрузился в долгое молчание.

— ...

<http://bllate.org/book/18619/1792524>